

К 147-летию Вячеслава Ивановича Иванова

14 февраля (чт), начало в 16.30

Малый зал ИРЛИ

Г. Гусейнов. Проблемы текстологии и интерпретации книги Вяч. Иванова «Дионис и прадионисийство»

И. Чечот (Петербургский университет). От символизма к авангарду: идея Дионисизма у В. Чекрыгина

Ведущий: *Андрей Борисович Шишкин* (Центр исследований Вячеслава Иванова в Риме)

А.Б. Шишкин: Дорогие друзья, начинаем семинар, который идет в рамках проекта Министерства Образования РФ «Европейские основы и русский вклад в моделях возрождения культуры. Наследие Вячеслава Иванова и авторов его круга в материалах Римского архива». Я имею большое удовольствие познакомиться сегодня с первым конкретным и реальным плодом этого проекта. Вышла книга на русском языке Светланы Дмитриевны Титаренко «Мифопоэтика Вячеслава Иванова». Это, по сути дела, первая на русском языке большая и серьезная петербургская монография о поэте, который семь лет жил и творил в Петербурге, и которому посвящали монографии сербские, английские, польские, американские, немецкие ученые. И это первый конкретный плод по нашему проекту. Книга скоро появится в продаже, так что не будет неправильно, если мы похлопаем.

Аплодисменты

С.Д. Титаренко: Спасибо!

А.Б. Шишкин: Сегодня наш гость – профессор московской Высшей Школы Экономики Гасан Гусейнов.

Г. Гусейнов. **Проблемы текстологии и интерпретации книги Вячеслава Иванова «Дионис и прадионисийство»**

Г. Гусейнов: Дорогие коллеги, во-первых, большое спасибо, что вы пришли. Я считал, что у нас будет совсем маленький семинар, и участвовать будут только те, кто работает в проекте издания книг Вячеслава Иванова «Дионис и прадионисийство» и «Эллинская религия страдающего бога». Но то, что так много коллег, которым просто интересна наша тема, позволит мне больше сказать об истории работы над первым изданием фрагментов обеих книг в "Литпамятниках". Сегодня я имел честь и удовольствие познакомиться с одним из моих коллег, замечательных исследователей Вячеслава Иванова, который в каком-то смысле и перенаправил тему моего сообщения, предложив мне начать с "покаяния" за издание 1989 года. Советского, точнее – позднесоветского издания Эсхила в переводе Вячеслава Иванова. И, в частности, с него, видимо, и надо начать, потому что

эдиционная история с "Дионисом и прадионисийством", которая началась в Баку в начале 1920-х, но оборвалась. И вот она снова началась на закате советской эпохи и нужно сначала говорить видимо о ней. Сегодня я чувствую себя Хлестаковым, хотя почти четверть века назад был участником этого издания: написал комментарии к крупным фрагментам обеих книг. Большую, очень серьезную, глубокую рецензию с разбором всего издания и, в частности, комментариев, написал Яков Маркович Боровский. Рецензия, [которая есть на портале](#) Андрея Шишкина, насколько я знаю, при жизни Якова Марковича не вышла, а он мне и устно попенял за ошибку: Моисея Семеновича Альтмана я назвал Самойловичем, бес попутал. Других претензий к моей работе у Якова Марковича не было, если не считать общих претензий ко всему изданию. Но сегодня из тех шести няnek, у которых дитя оказалось немного без глаза, отчет могут дать только Николай Всеволодович Котрелев и ваш покорный слуга.

Попробую рассказать об истории издания то, что было видно мне и что касается только моего в нем участия. Издательская практика позднесоветского времени сама по себе уже представляет определенный исторический интерес. Тем более, что начали происходить вещи, сегодня совершенно обыденные, а тогда – почти невероятные. Ведь даже участие в издании Дмитрия Вячеславовича Иванова было чем-то невероятным: эмигрант и сын еще совсем недавно "непроходимого" поэта. В это время, которое называют "перестроечным", одновременно возникли и продолжались взаимоисключающие тенденции отношения к досоветской русской мысли и литературы. И Вячеслав Иванов оказался в центре такого силового поля. Николай Иванович Балашов, тогда – единственный из состава участников член-корреспондент АН СССР, привлек к изданию выдающихся людей, обязанности между которыми были распределены таким образом: Д.В.Иванов – патрон и источник аутентичных текстов, Виктор Ноевич Ярхо – ведущий специалист по греческой трагедии, Михаил Леонович Гаспаров выступил в роли переводчика фрагментов Эсхила; Н.И.Балашов, который и раньше писал о русской поэзии, и вообще считался одним из самых либеральных академических руководителей науки, написал небольшую статью о самом издании. В приложении, усилиями Н.В.Котрелева, и были напечатаны части книг, об одной из которых мы сейчас говорим. Написать комментарий к ним мне предложил Н.И.Балашов, сославшись на рекомендацию А.А.Тахо-Годи, которая была моей научной руководительницей, когда я писал кандидатскую диссертацию об Эсхиле, а кто еще участвует в проекте (тогда, надо заметить, термином "проект" не пользовались).

Сейчас даже удивительно говорить об этом, сравнительно недалеко, прошлом. Но мне кажется важным удержать и в памяти, и документально специфичность того момента. Разговор о настоящей публикации Эсхила в переводе Вяч. Иванова шел в обстановке, которую сейчас трудно реконструировать. Совсем недавно по тогдашним меркам был выпущен в малой серии "Библиотеки поэта" том Иванова с большим предисловием С.С.Аверинцева. Для меня до сих пор остается загадкой, почему Аверинцев не принимал участия в издании Эсхила. Возможно, какая-то кошка пробежала между ним и Балашовым. Сам Н.И. говорил, что комментарий к "Дионису..." для Аверинцева не слишком интересная работа, что по статусу нужен был кто-то другой.

Но вернусь к тем направлениям работы, противоречия между которыми и создавали специфику "перестроечной", или позднесоветской, эдиционной практики. Первое направление касается в принципе открытия того, что было сделано не в советской стране. Все это шло под знаком, что вот появились возможности, наконец, нашему советскому читателю предоставить доступ к этим произведениям. И вот есть такой поэт, да, поэт-эмигрант Вячеслав Иванов, и им были написаны такое-то книги, но они были написаны еще на территории Советского Союза.

Хорошо помню обсуждение этой темы в Институте мировой литературы Академии Наук СССР. Мол, пришло время сделать это достоянием нашего читателя, это очень полезное

издание. При этом подчеркивалось всячески, а это всё годы 1985-86-87, что, публикуя такого рода произведение, надо помнить, что нас интересует только их собственно литературное содержание. Поэтому вся "идеология" должна быть спрятана, свернута, завернута, упакована в литературу. По этой причине обе книги и выходят под обложкой «Эсхил», это «Литературный памятник». Эсхил, да, в переводах Вячеслава Иванова. Отсюда и оговорки в заглавном послесловии Балашова – о "двойном" памятнике культуры. У этих переводов тоже есть своя судьба. Когда-то в 1920-е годы Вячеслав Иванов надеялся в 1925-26 годах, когда он подготовил этот перевод, надеялся то, что это всё будет опубликовано в Советском Союзе. Опубликовать это ему было не суждено. И вот 60 лет спустя наступает момент, когда переводы Эсхила, ивановские переводы Эсхила выходят вместе с двумя чрезвычайно сложными для и биографии, и социальных, политических настроений того времени, когда они писались, книг.

Иванов в интерпретации издательства «Наука» и серии «Литературные памятники» должен был предстать в двух книгах. Сначала должны были идти переводы Эсхила, а отдельной книгой – выйти "Дионис..." и "Эллинская религия". Но в таком виде издание было все-таки запрещено, несмотря на то, что уже было перестройка. И основанием для запрета был этот странный религиозно-мистический характер этих книг. Нужно было, непременно списав их в чисто литературный контекст, с другой стороны, объяснить – и вот здесь для меня, как я понял из разговора с Балашовым, и нашлось место, потому что в это время, за несколько лет до смерти Алексея Федоровича Лосева, ходил в его младших секретарях. И Николай Иванович сказал, слушайте, как хорошо, что вы родились в Баку. Давайте мы попробуем обосновать всё это тем, что это вышло на территории Советского Союза, вы оттуда родом, вот вы будете это комментировать. Я говорю, ну, хорошо, Николай Иванович, я готов, конечно, но все равно, это шито белыми нитками. Это, говорит, не страшно, мы это сделаем, и будет замечательно. Мы это объясним появлением произведения, написанного на территории Советского Союза в 1920-е годы, ну, чуть ли не литература народов СССР. И все-таки номер не прошел, пришлось всё это загонять обратно в однотомник. А другими, гораздо более значительными, чем ваш покорный слуга, участниками этого издания были люди, под одной обложкой, кажется, никогда прежде не появлявшиеся – В.Н.Ярхо, который отвечал за Эсхила и писал об Эсхиле, М.Л.Гаспаров. Скажу в свое оправдание, что не только родился в Баку, но еще и диссертацию писал об Эсхиле, и оппонентом моим был Алексей Федорович Лосев, поэтому я тут чувствовал себя более или менее нормально, во всяком случае, не чувствовал себя чужим в этой теме. Тем более, что был и невидимый третий участник, знавший Вячеслава Иванова, и ориентировавшийся на него, и много рассказывавший в это время, дававший интервью о Вячеславе Иванове и об эпохе – Алексей Федорович Лосев. Все эти авторы относились с большим подозрением к тому, что каждый в Иванове найдет что-то такое, что ему самому не нравится, или что не вписывается в его концепцию ивановского пути. Всё это организовал Николай Иванович Балашов. И предполагалось, что это большое произведение общего коллективного усилия будет в рамках серии «Литературные Памятники». А когда выйдет, станет памятником некоторой ушедшей и ныне возвращаемой эпохи. Вот такой дух "возрождения русской культуры" – сначала дореволюционной, потом культуры в изгнании, или в рассеянии, витал над этим проектом – Эсхилом в переводе Иванова и сопутствующих книг.

Что касается самого текста «Диониса», то его принес в издательство Николай Всеволодович Котрелев, который насколько могу судить, отвечал за, собственно, аутентичность вот этого текста, привезенного из Баку. Это я знаю от Лидии Михайловны Грановской – она показывала мне экземпляр «Диониса» в Баку, и это был экземпляр верстки, который Вячеслав Иванов успел, видимо, переплести.

А.Б. Шишкин: Это была машинопись?

Г. Гусейнов: Нет, не машинопись, просто сброшюрованная, насколько я понимаю, верстка.

А.Б. Шишкин: А где она?

Г. Гусейнов: Она... Я её видел четыре года назад в Баку. Она существует, надеюсь, до сих пор.

А.Б. Шишкин: Стало быть, это третья, потому что первая, как вы говорили, находится с поправкой находится в Римском архиве. Вторая находится в бывшей Ленинке. И это, стало быть, третья.

Г. Гусейнов: Да. И эту третью, насколько я понимаю, её видел, вот этот текст видел 30 лет назад и получил возможность скопировать её Н.В.Котрелев, и она оказалась в Москве. Я думаю, что происхождение той версии, в которой книга, точнее, ее фрагменты, вышли в «Литературных памятниках» именно такое. Здесь вся текстология была на Н.В.Котрелеве, но не его и ничья вина, что в полном виде текст поместить в издании не удалось. А вторая проблема связана была с комментированием. Вот у всех ...

А.Б. Шишкин: Еще раз, именно про «Диониса и прадионисийство»?

Г. Гусейнов: Да, именно «Дионис и прадионисийство».

А.Б. Шишкин: Извините, пожалуйста, но у нас есть бакинское издание 1923 года?

Г. Гусейнов: Да, потому что там какие-то были пометки, исправления, дополнения. Но моя-то основная проблема была связана с комментированием, с комментариями. И в общем виде эту традицию позднесоветского комментирования можно описать так. Издается, например, собрание сочинений Гегеля или какая-то одна из книг Гегеля в серии «Философское наследие». Комментарии предлагают писать не специалисту по немецкой философии, а, например, Сергею Сергеевичу Аверинцеву. И исходят из того, что Аверинцев напишет не только и не столько философский комментарий, скажем, к «Жизни Иисуса», сколько полубогословский комментарий. Здесь возникла такая же проблема – задача состояла в том, чтобы комментарий был не, скажем, филологический, потому что этот комментарий уже есть к переводам Эсхила. А здесь комментарий должен быть и более биографическим, и вводящим в религиозную проблематику. И смысл определенный в таком комментировании, в такой группировке этого текста есть, потому что то, что написала Иванов, находясь в Баку, действительно связано с его биографическим опытом. Он приезжает из революционной и раздираемой гражданской войной России в другую страну, приезжает на Восток, который только-только начал европеизироваться во второй половине XIX столетия. Сам себя считает городом, скорее, западным, новым. И в это время Иванов находит там Азию, ту Азию, корни которой он видит и у Эсхила. И создает произведение, которое, если представить себе, что мы можем вынести за скобки всю академическую ученость, немецкую выучку, немецкую школу Иванова, которая приоткрывает для него окно в орфико-дионисийскую доэсхилловскую встречу восточного и греческого мира, следы которого Иванов видит в Баку во время шахсей-вахсея. Вот эта интерпретация была основной, и её предлагалось придерживаться. Вынесем за скобки Иванова как немецко-русского филолога и посмотрим на Иванова, который окунулся вот в эту оргиастическую дионисийски-орфическую жизнь, в этот мир действующего Загрея, здесь, на персидской границе, вот этого Иванова Азии. Вот это вы найдите, попробуйте в этом ключе посмотреть на него. Это рекомендация, скажем так, литературно-биографическая.

Другая рекомендация, исходящая, в большей степени, от Виктора Ноевича Ярхо. Нам важно все-таки показать академическую предысторию, нам надо, чтобы читатель увидел, узнал, понял что Иванов – это, прежде всего, представитель немецкой научной школы, это

встреча двух традиций. С одной стороны это высокий опыт академической учености, а с другой – это простонародная и инорелигиозная огненная оргиастичность. Вот в каком столкновении возникает, рождается книга о Дионисе.

Тут нужно заметить, что для Ярхо такой взгляд его можно объяснить тем, что Ярхо все-таки много лет, очень много лет занимался Эсхилом, и Иванов интересовал его только в связи с Эсхилом. Но, хотя и Эсхил был ему не близок как автор, и эсхилевская трагедия, и все, что связано с знаменитыми обвинениями Эсхила в том, что он разгласил элевсинские таинства, вообще Эсхил как религиозный деятель – это Ярхо было, в общем, совершенно неинтересно. Для него главное в этом произведении – контекст истории античной литературы, такая вполне аристотелевская схема. Внутри этой аристотелевской схемы у Эсхила есть свое место. Рациональная картина, научная картина. И вдруг оказывается, что внутри этой рациональной научной картины самое интересное, что там есть для позднесоветского поколения – это, наоборот, оргиастический мир, которые как раз и открылся Иванову в такое странное время и в таком странном месте.

Письменных следов обсуждения осталось довольно мало. Существует переписка по поводу этого издания и по поводу отдельных его фрагментов, переписка Ярхо и Гаспарова, Балашова, Ярхо и Гаспарова. И в меньшей степени, но тоже должна быть она у Котрелева. И вот такая странная картина – конец XX века, оказывается, что биографические подробности жизни Вячеслава Иванова в Баку этого времени, времени написания этой книги известны не очень хорошо, почти никаких упоминаний. Но, есть люди, о которых все помнят... Например, ученик и помощник Иванова в Баку Тумбиль, о котором многие вспоминают. Если собрать вместе все эти воспоминания, то выясняется, что... И даже найти личное дело трудно, личное дело Тумбиля в архиве бакинском, вообще известно об этом человеке очень мало. Есть воспоминания его позднего ученика – Виталия Абрмовича Колмановского. Так вот, главная линия, которую все-таки не удалось провести в комментарии к «Дионису» в этом издании, – это линия биографическая. Об этом пишет и Яков Маркович Боровский в своей рецензии. Что слишком много рассуждать приходилось людям о концепциях, и о том, как Иванов после своей немецко-русской, немецко-русской академической карьеры вдруг погружается вот в эту кипящую оргиастическую жизнь дикого советского Востока – вот этому уделено меньше внимания. А людям, которые там находились в это время, находились в Баку, и с которыми сталкивался Иванов, об этих людях почти ничего сказать было нельзя. Одни умерли или уехали, другие погибли в рассеянии. Третьи остались в Баку, но совершенно инкапсулировались, закрылись от внешнего мира, как А.О.Маковельский, например, и другие. Это сегодня является, видимо, главной задачей для тех, кто будет комментировать, и кто работает над этой темой. Потому что история не только классической филологии, но вообще переводов, история движения людей, книг, идей и рукописей в XX столетии пишется очень медленно, и восстановить картину, которой жил Иванов, когда находился в Баку, совершенно необходимо, хотя архивы исчезают там довольно быстро, архивные материалы. То, что было доступно еще 10-15 лет назад, сегодня по каким-то причинам найти почти невозможно. Какие-то вещи закрыты, были открыты на протяжении 10-15 лет, потом их закрыли. Это такая отдельная проблема, отдельная тема, я её могу пока только наметить и сказать, что она есть.

И, наконец, очень серьезная проблема, по-видимому, сейчас состоит в том, что тогда, в середине 1980-х и второй половине 1980-х годов, некоторые тексты, скажем, Эсхила и переводы, ивановские переводы из Эсхила, могли быть предметом обсуждения на семинарах – и в университете, и в ГИТИСе. Была небольшая аспирантская группа и студенты старших курсов, разбирались с ними тексты Эсхила. Но оказалось, что повторить этот эксперимент сегодня, 25-30 лет спустя, нельзя, просто нет тех студентов. Нет студентов-аспирантов, для которых это было бы интересным предметом для изучения. Дело даже не в сокращении учебных часов на греческий язык. Но нет среды,

для которой комментирование и издание «Диониса» или «Эллинской религии страдающего Бога» было бы событием, интересным и в их профессиональной, и просто в их жизни.

Самым трудным и интересным является определение роли и места Вячеслава Иванова в русско-немецком философском и литературном диалоге. Если русско-итальянский диалог более или менее понятен, то вот этот русско-немецкий диалог – вещь довольно закрытая и все еще недостаточно представленная, и эдиционно недостаточно представленная. Здесь, конечно, центральной фигурой для понимания Иванова является Фаддей Францевич (или Тадеуш) Зелинский, украинско-польско-русско-немецкий филолог-классик, иногда выступавший в роли патрона Иванова, иногда – соперника, иногда – его довольно сурового критика. Так вот для того, чтобы издание этих обеих книг было полноценным, нужно привлекать и Зелинского.

Вот, пожалуй, я бы на этом сейчас закончил, потому что будет еще на семинаре один доклад, но я с удовольствием ответил бы на вопросы или выслушал критику.

А.Б. Шишкин: Спасибо. Несколько слов об издании Вахтеля...

Г. Гусейнов: Об издании Вахтеля я совсем не сказал... Это, действительно, потрясающее издание, очень хорошее...

А.Б. Шишкин: Оно появилось три месяца назад в Тюбингене, в старейшем издательстве «Мор-Зибек», которое существует с 1803 года. В этом издательстве и должна была появиться в 1930-е годы книга «Дионис и прадионисийство», но разным обстоятельствам, о которых не будем сейчас говорить, она не появилась там. Но прошло почти 70 лет, и она вот в конце 2012-го года вышла довольно даже большим тиражом.

Из зала: Источники? Какой текст в основе?

Г. Гусейнов: Первое и самое существенное – то, что, в общем, это синтетическое издание. Немецкий перевод Иванова, сверенный со всем, что доступно Михаэлем Вахтелем и Кристианом Вильдбергом.

А.Б. Шишкин: Разве это не перевод под редакцией Вячеслава Иванова...

Г. Гусейнов: Конечно. Но они этот перевод все-таки очень сильно, насколько я понимаю, дорабатывали. Но немецкий текст, если сравнивать, я сравнивал его не целиком, не сплошь, не весь с русским, но это, конечно, следующая фаза и гораздо более академизированная фаза по сравнению с тем, что вышло в Баку. Даже называется книга чуть-чуть иначе. Русское название – "Дионис и прадионисийство", а немецкое – "Dionysos und die vordionysische Kulte", или "Дионис и додионисийские культы". В эзотеричное "прадионисийство" можно и шахсей-вахсей записать, а история "додионисийских культов" такого хода не позволит. Здесь, действительно, Иванов выступает в роли немецкого ученого в гораздо большей степени, чем в книге, написанной до Баку и в Баку, в эти вот оргиастические 1920-е годы. Хотя начал он работу над этой книгой еще в Афинах, в самом начале XX столетия, в 1901-1902 году. В этой книге по сравнению с тем, что было сделано в бакинском издании, такое первое, бросающееся в глаза отличие – это греческий текст вместо латинской транслитерации, часто ошибочной. И, как я уже сказал, такая академизация издания. Это уже не попытка посмотреть на античность, на античность и на греческую религию изнутри некоторого нового взрывающегося Востока, внутри которого находится Иванов, а нечто более приближенное к научности.

А.Б. Шишкин: Там выверен весь научный аппарат.

К. Лаппо-Данилевский: Да. Элементы научного аппарата были и в русском издании, да, но здесь они все-таки гораздо более серьезные. И это книга, которая, я думаю, что было бы неплохо перевести теперь с немецкого обратно на русский, и потом сравнить эти два издания. Но, конечно, этой работы **никто делать не будет**, потому что тут, это понятно, но

это было бы все-таки очень разумно. Эти книжки я уже проштудировал. И в каком-то смысле присоединяюсь к этому мнению, что её было бы забавно перевести на русский еще, но все-таки, если говорить об источниках этого перевода, то надо сказать, что опять же, перед нами ставится, действительно, не проблема нашего взаимоотношения с классическими текстами. Это, конечно, текст во многих отношениях классический. Если идти по пути какого-то такого крохоборства, которое уходит в какую-то кажущуюся глубину, то в результате можно потеряться в ней так, что не появляется никакого настоящего и потребного культуре издания. Либо же это, действительно, путь исследовательский, путь специалистов глубоко понимающих и чувствующих Иванова, которым является Майкл Вахтель и его коллега Кристиан Вильберг, профессор классической филологии в Принстоне. И в этом смысле сотрудничество состоялось и оно в высшей степени удачное. Это решение конкретной эдиционной проблемы и чувства аудитории, что очень важно, потому что эта книга, конечно, будет востребована и в современной Германии. Хотя, прямо скажем, она сильно запоздала и выпадает из многих трендов, но это книга, конечно, найдет своего читателя. И во многом вспомнится, конечно, мечта Вячеслава Иванова: как часто было, все, кто сталкивался с иноязычными переводными работами Вячеслава Иванова, будь то на итальянский, немецкий язык. Конечно, мы знаем, что Вячеслав Иванов предпочитал дать кому-то что-то на перевод. И особенно в Италии, где его материальное положение было не идеальным, постоянно нужно было что-то преподавать, какие-то ежедневные заботы отвлекали, но, и как всегда это бывало, вот этот перевод потом становится работой для самого Иванова. Он не может в нем много принять. Я, к сожалению, запомнил сейчас имя немецкой переводчицы, которая была найдена издательством «Зибек», у нее был опыт в переводе русских писателей Серебряного века. Она взялась очень ответственно за этот труд, но Вячеслава Иванова, как это нетрудно было бы предсказать, это все-таки не устроило. И он начинает переделывать, переписывать, он затягивает, как у него частобывало, издание. И в результате получается так, что часть переводов, которые были сделаны, оказались им отредактированы и вычитаны. А часть были только отредактированы. С этой сложной эдиционной задачей наши коллеги американские очень хорошо справились. Этот текст, я опять же, прошу сделать поправку на предварительность моих суждений. Это текст, который, так сказать, является в первую очередь, конечно, переводом. Но, и вот в этом-то, о чем вы как раз сказали, есть некоторые аспекты приспособления к немецкой аудитории. И, надо сказать, не только приспособление, но и попытки серьезного обновления научного аппарата. Это, конечно, создает ряд головолomных проблем, но не совсем "патриотически" должен признать, что немецкий «Дионис» издан, может быть, лучше, чем русский. И надо сводить эти издания – потому что, например, большую работу сверки греческого текста с латинской транскрипцией у Иванова, наши американские коллеги сделали. Слово, акрибия, любимое у классических филологов, кажется, было сегодня произнесено.

Это один аспект, который высвечен перед нами этим изданием. Но есть и второй аспект – это, конечно, тоже мы сегодня в беседе затронули: путь к «Дионису» был путем всей жизни Вячеслава Иванова. Около 1901 года это прослеживается по письмам, и у Н.Богомолова есть очень хороший небольшой этюд об этом. Около 1901 года Иванов окончательно решает уйти в сторону изучения религиозных культов, и это больше уже сообразуется и с его поэтическими наклонностями, т.е. это было решение, уже подготовленное в его биографии. В одном письме Замятину Иванов пишет, что, мол, я уже пять лет не могу, а нужно, если уж заниматься наукой, нужно не терять ни одного дня, ни одного месяца, а уже пять лет как я выпал из этого научного труда непрекращающегося. Конечно, я тут соглашусь, очень важна была эта встреча с Баку, с оргиастическими культами, которые живы. Я вот не знаю, я вам биографически тоже завидую, потому что Баку в какой-то мере это тоже город моей мечты с того момента, когда мне выпало заниматься Ивановым, и я очень хотел бы побывать, уж не говоря об архивах, библиотеке и т.д. Заглядывал и я в эту бакинскую сторону. Конечно, Баку всколыхнул Вячеслава

Иванова, но в «Дионисе Орфическом» эта книга, эта глава уже появляется в 1916 году, поэтому уже книга во многом готова и до Баку. Ну, и не говоря уже об «Эллинской религии». Поэтому второй пункт... Вот как бы есть два есть пункта очень важных, и если говорить об издании, второй пункт – это конечно история издания. И надо сказать, количество подготовительных материалов просто ошеломляет. Я в свое время даже капитулировал перед этими материалами, потому что там еще идут не только какие-то такие разночтения, но появляются сюжеты, касающиеся, к примеру, преподавания в университете, преподавание на курсах. С "Эллинской религией...", видимо, еще больше работы.

Эта тема для меня значит, поэтому в заключение хочу поблагодарить вас за живой рассказ участника о издании Эсхила 1989-го года. Да, много недостатков у него, и видно, как эта книга срослась, её, бедную, калечили явно в ходе её подготовки. Но всё равно это был какой-то важный такой краеугольный камень, такая веха конца советской эпохи постижения и одновременно популяризация, конечно, Иванова. Большое вам спасибо!

А.Б. Шишкин: Спасибо вам.

И. Чечот: Заканчивая этот сюжет можно еще сказать о том, что это издание открывает перед нами важную традицию взаимодействия немецких интеллектуалов с русским дионисийством. Никто еще не задался вопросом о том, здесь: а кто был инициатором издания на немецком языке этого ученого труда Вячеслава Иванова, что это за круг? Между прочим, это не университетский круг.

А.Б. Шишкин: Дорогой Иван, да, так кто был инициатором?

И. Чечот: это люди из круга Стефана Георге, что крайне значительно, Георге у нас самый главный поэт, или один из самых главных поэтов. Это господин Ландау и издатель и также значительная личность Вольфганг Фроммель. Вольфганг Фроммель – очень интересное явление с точки зрения современной политкорректности, но субъект несколько опасный. С одной стороны, гуманист, помог очень многим евреям спастись в Амстердаме, где он находился и руководил таким кружком, кружок в духе Стефана Георге. С другой стороны, автор политических трактатов, мотивы которых, в принципе, родственны мотивам известных опасных политических трактатов. И переводчица, я тоже забыл её, имя она переводила русскую классическую литературу, была одной из лучших переводчиц. Но, как я понимаю, интеллектуальной не была и классического образования не имела. И там даже в одной из вступительных статей цитируется какое-то письмо, или в конце там ведь еще напечатаны письма. Вся переписка между Ландау и Ивановым, вся она там есть. И там есть очень интересные биографические детали. Да, так вот, там есть такая цитата, что госпожа такая-то даже взялась проходить курс классики, потому что она переводит и сама не знает, что она такое, и вот она ходит в университет на ... (неразборчиво, Н.Р.), слушает известных светил и со страстью всё это постигает. Так что это очень, вообще говоря, интересный сюжет. Георге и Иванов... Кстати, в Интернете повешена не очень квалифицированная статейка, в которой предпринята попытка сравнить Иванова и Георге. Так сказать функционально, в литературной культуре. А также в конце этой статьи есть сопоставление двух стихотворений. Стихотворение Иванова и стихотворение Георге переведено на русский язык, с моей точки зрения очень неудачно переведено, ну и вот, сопоставляется. Георге представляется как неоклассик-аполонист, Иванов выступает как неоклассик-дионисиец... мысль пятикопеечная, но вот есть такой прецедент. Я думаю, что вообще всё это могло бы быть разработано детальнее и интереснее.

Г. Гусейнов: Здесь есть две стороны у этого дела. Одна сторона, действительно, если говорить о хронологии, то это самое начало 1901-1905 год, и вплоть до Первой мировой войны – это русские и их восприятие Германии перед Первой мировой войной. И здесь, действительно, есть интерес, и есть это слово «глубокий», «глубокие идеи», «нет той

глубины». Это слово оказывается ключевым, потому что это такая вот пост-достоевская Россия, которую немцы хотят познать, и они её познают с помощью Иванова, Белого, потом и других. А другая сторона – это издание на немецком языке писателей и философов Серебряного века, того что, у нас называют Серебряным веком, издания предпринятые в 1970-80-90 годы XX века. Т.е. примерно тогда же, когда Иванова пытаются вернуть на советскую сцену. И тут оказывается удивительная вещь. Эти переводы вовсе не воспринимаются читателями, так называемым разумным интересующимся читателем.

И. Чечот: В Германии.

Г. Гусейнов: В Германии.

И. Чечот: Так это же невозможно читать!

Г. Гусейнов: Вот именно, они не могут... Ну, т.е. не выносят этого как идеологии, когда это становится идеологией. Эта эпоха прошла. Не только современные, но и даже специалисты по философии... И как раз среди тех, кто здесь... Я уверен, что присутствующие знают Михаила Хагемейстера. Он и его коллеги предпринимают попытки сделать более понятными, знакомыми в Германии тех русских философов и писателей, которые как раз из Германии вывезли плоды своей "туманной учености", и вернуть эти плоды назад. Но оказывается, что назад это не проходит. Книга Лосева, который во время Первой мировой войны был интернирован и едва не угодил надолго в плен в Германии. Так вот, его «Диалектика мифа», которую перевели на немецкий язык, опубликовали и думали, что будет второй тираж, третий, вообще, что это будут читать. Она произвела впечатление своей энigmatичностью, но книгу не восприняли ни как философию, ни как литературу, ни как поэзию. Я думаю, то же будет на немецком рынке с «Дионисом и прадионийством». Ну, разве что название захватывающее, однако я уже говорил, что в немецком переводе оно академизировано.

И. Чечот: Аспирантки её достанут.

Из зала: Хочу сказать, что во "Франкфуртер альгемайне", центральной газете, уже была довольно такая с полетом рецензия.

Г. Гусейнов: Рецензия, да. Ну вот, это объясняется еще и тем, что конечно у Иванова было время, он действительно готовил этот перевод. И он все-таки свою книгу трансформировал для немецкого читателя. А у Лосева в конце 1920-х такой возможности не было, он был оторван от всего.

И. Чечот: Ну мне кажется, даже для 1930-х годов этот немецкий язык Иванова – уже устаревший язык. Это все-таки еще язык 1910-х годов.

Г. Гусейнов: Да, наверно, наверно.

И. Чечот: Слишком он пространен, красив, и вообще, язык во всей его полноте, который он уже в 1930-е годы начал утрачивать. А уж сейчас от него вообще уже ничего не осталось.

Г. Гусейнов: Ну и он сейчас воспринимается как какая-то архаика. Ну и конечно, такая тоже довольно серьезная тема – это восприимчивость к, скажем, действительно... Как вы это назвали? Это «опасная идея». А люди с интересом к "глубине", с нашим интересом к глубине, они приезжают туда, и оказывается, что им как раз нравится почвенничество, вот эта идеология «крови и почвы», она в чем-то созвучна отечественной мысли. Сталкиваются неожиданно, соединяется с таким. И есть определенный риск поместить такого ученого, поэта в совершенно ложный для него контекст. И обратное явление тоже, когда выходит на русский язык «Пайдея» В. Йегера совершенно то, что называется, «на голубом глазу», думаешь что это выдающийся памятник немецкой классической

филологии. А вместе с тем это выдающийся памятник определенной идеологии, которая потом, вообще говоря, закончилась довольно печально.

А.Б. Шишкин: Я думаю, что Федор Степун теперь, в нынешней Германии забыт. А в 1950-е годы Степун собирал на лекции 300-400 человек. И его мемуары в Германии наверно не читаются.

Г. Гусейнов: Читаются-читаются и много изданий было, очень много. Они сокращены. Вот эта книга «Бывшее и несбывшееся», это изумительная, конечно, одна из лучших мемуарных книг, видимо, XX века, она переведена на немецкий язык и есть несколько его изданий. Одна издана в полном переводе, и есть сокращенный вариант, который называется "Antlitz Russlands", это читаемая книга.

И. Чечот: Я хотел бы задать один вопрос тебе, Гасан. Поскольку такой, обращаясь к публике, выдающийся классик здесь сидит. И как бы в преддверии того, что я должен дальше говорить. Вот есть эта книга, и есть нынешний мир, в нынешней науке. Что в этой книге с точки зрения официальной нынешней науки самое неправильное?

Г. Гусейнов: Официальной...? Речь идет о «Дионисе»?

И. Чечот: Вот есть нынешняя официальная, так сказать, истеблишментная классическая филология. Что в книге Иванова возмущает господ профессоров-ординариусов?

Г. Гусейнов: Ну, за ординариусов сказать я не могу, таковым не являюсь.

И. Чечот: Так (*смеется*).

Г. Гусейнов: Но можно сказать одно, что точкой ...

И. Чечот: Такой самой сомнительной.

Г. Гусейнов: Да, что точкой, в которой не совпадает система ценностей классической филологии в России с этой вот с таковой в других странах – это всё странное и не вписывающееся в винкельмановско-виламовицевскую традицию. Вот там, где есть странное.. Там, где есть возможность сравнить классическую античность, греко-римский мир с Востоком и с Христом, везде, где такая возможность есть, – всё правильно и хорошо. А для нашей традиции везде, где такая традиция возникает, это неправильно и не хорошо, и не нужно. И не нужно этим заниматься, потому что надо спрягать правильно глаголы. И в этом смысле наш Виламовиц – это Сергей Иванович Соболевский, сознательно разводящий античность и современность, уходящий в античность от современности.

И. Чечот: Да.

Г. Гусейнов: Вот для него это будет очень странно всё, он скажет, как это, это ж всё не понятно. А, например, тоже наша традиция, но освященная именами, например, Аристида Ивановича Доватура, или Александра Иосифовича Зайцева, или Сергея Сергеевича Аверинцева в Москве, она это примет, потому что ей это интересно. Поэтому мы не можем... Я думаю, что такой одной науки об античности нет... Есть несколько разных наук в разных фазах своего существования.

И. Чечот: А вот ты можешь ответить на такой вопрос. Ведь Иванова читают не только филологи, и не только классики. И эту книгу, возможно, прочтут не только классики. Но и те, кого можно назвать современные постмодерные мыслители. Для них Иванов как мыслитель существует, или не существует? Вот что про это известно?

А.Б. Шишкин: Дорогой Иван...

Г. Гусейнов: Насколько я могу судить, в такой, как теперь говорят, "пафосной", а мы бы с тобой, может быть, раньше сказали, патетической, формулировке – "как мыслитель"... Нет, не существует. Как и Георге, кстати.

И. Чечот: Для Пушкинского Дома, понятное дело, существует. Тут все-таки задачи, а вот цитируется ли он широко? Вообще, я могу себе представить, что пустившись в такое свободное плавание можно из ивановского трактата **оооччень** много почерпнуть для всех таких свободных размышлений, какие сейчас в моде. Это есть или нет?

А.Б. Шишкин: Ну, вот завтра у нас будет доклад, прошу всех пожаловать в Музей Достоевского. Последним будет доклад Пушкинский Дом будет доклад сотрудницы Пушкинского Дома доктора наук Ольги Фетисенко о Иванове и Шифферсе. Это уже последние десятилетия XX века.

А.Б. Шишкин: Чтобы закончить разговор об издательстве и круга поэта Георге, скажу, что Фроммель издавал в Амстердаме журнал «Каструм Перегрини»

И. Чечот: И есть сайт такой: castrumperegrini.org посмотрите, это интересно

А.Б. Шишкин: И в этом журнале вышли в немецком перевода, не знаю кого, две главы «Диониса и прадионисийства».

И. Чечот: Еще крайне интересно, что такой великий художник неомифолог, как Макс Бэкман был ближайший друг Вольфганга Ромала и входил в круг «Каструм Перегрини». Ведь как раз тогда, когда Фроммель организовывал всё это, Бэкман занимался рисованием иллюстраций ко второй части «Фауста», т.е. классической вальпургиевой ночи, которая пронизана всякими этими дионисийскими мотивами.

А.Б. Шишкин: Пожалуйста, вопросы и мнения.

Из зала: У меня складывается впечатление что, Иванов, ну помимо других Серебряного века... Вот вы сказали язык его архаичен, вот по поводу труда, и эта архаика уже на самом Западе уже... среди читателей... Что она им чужда... Но каких читателей вы имели в виду? Это исследователи, или актуальный читатель, который гонится за интеллектуальной модой? И почему в таком случае гуманитарный роман XIX века в моем представлении актуален? И что происходит по персоналиям Серебряного века? Он существует только в поле зрения исследователей или культурологов? Вот кто-то может пояснить, что с Серебряным веком, помимо славистов?

Г. Гусейнов: Ну, первых, само это понятие – "Серебряный век". Оно, конечно, является чисто условным. Я бы сказал, это такое кодовое и немножко колдовское слово для нас. Его совершенно невозможно применить, ни в какой лекции нельзя это сказать, как что-то само собой разумеющееся. Здесь же культовая оценка защита. Кто читает и воспринимает? Здесь есть очень простой критерий. Вы можете объявить тему семинара и посмотреть, сколько людей запишется на этот семинар. И совершенно ясно, что на семинар по Серебряному веку запишутся только выходцы из бывшего Советского Союза. Им это что-то будет говорить, они будут ходить, но это будет совершенно закрытое от немецкого или французского, английского, или швейцарского мейнстримного пользователя поле.

И. Чечот: Иначе будет с авангардом.

Г. Гусейнов: Совсем по-другому будет с авангардом! Да тут всё будет ровно наоборот. Туда не придут русские, туда придут только местные, такая альтернативная сцена так называемая, вот им это будет интересно. Что касается отдельных персоналий, отдельных людей. Можно ли представить себе, что вы говорите, что объявляете семинар, посвященный только Иванову – как исторической персоне, с указанием лет его жизни, где и когда он был, и он вас интересуется как личность, как автор в своем времени, и это семинар биографический. На него запишется определенное число людей. Вот как биография человека, который прожил в прошлом веке, в первой половине прошлого века, который когда-то учился в Германии, потом скитался, – это будет интересно определенным, более широкий круг людей. И этот круг более-менее расширяется, как и в

России, кстати, вот мемуарная вот эта нота она очень важна. И в последнее время всё, что связано с публикацией архивных материалов с раскрытием, оцифровкой и т.д. – всё это привлекает людей. Но опять, не потому, что Иванов это величина и что-то очень важное. А только и просто потому, что это личность. Биографического материала довольно много, много о нем написано, мы можем его очень здорово реконструировать. Она в этом качестве людей и интересует. И даже очень важно, что это не, как теперь говорят, не "центровая личность", это не какой-то там гений, который сверху на всё смотрит, это не Штефан Георге как раз, а вроде Фромеля, которого можно изучать, как у нас бы сказали, героя второго ряда. Да, второго ряда, и тогда мы его будем изучать. Т.е. и это действительно будет интересовать не только специалистов, очень узкий круг, и вы всегда найдете в этом очень узком круге людей, которые знают материал прекрасно, лучше, чем у нас. Несмотря на то, что это, может быть, не родной для них язык, как у Михаэля Хагемайстера. А вот еще чуть-чуть более широкая публика, так ее уже идеологические конструкции совершенно не интересуют. Её интересует вот эта новая, антропологически сфокусированная биографика, как человек переживал, какова была его повседневность. Если окажется, что какие-то есть еще свойства у Иванова, о которых мы пока не знаем ничего, то это еще интересней будет. Интерес, как мне кажется, сейчас сфокусирован на таком человеке в своем времени, и этот человек не должен быть обязательно значительным, он совершенно не обязан быть значительным, и он не должен быть еще глубоким, он должен в себе вот это человеческое выражать. Гораздо больший интерес будет к Иванову, если люди узнают, что он не был библиотекарем Ватикана, а наоборот, что он вообще перебивался с хлеба на воду, с петельки на пуговку, и где-то пытался подзаработать, не мог ничего толком перевести со своего русского на свой немецкий, или на итальянский, а пытался всё время... жить как нормальный человек, и мучился и терзался. Вот этот человек интересует.

И. Чечот: «Человеческое» слишком человеческое».

Г. Гусейнов: «Человеческое...», золотые слова (*смеется*).

И. Чечот: Опасные слова.

Г. Гусейнов: Вот это конечно... Мне кажется это очень важным, и в каком-то смысле это действительно такая современная тема. Оказывается, такого человека интереснее всего реконструировать, что называется, для себя. Это не какая-то, как по другому поводу говорил о Блоке Пастернак, что «к нам не спускался с Синая, нас не принимал в сыновья», – вот этот человек нас интересует. И тут у Иванова какая-то может быть более интересная дальнейшая судьба в начале нашего столетия, потому что жизнь его какая-то совершенно невероятная. И всё это гораздо интересней тех концепций, с которыми он рос, которые откуда-то из Германии он вывез, и которые он потом переносил на другую почву.

С.Д. Титаренко: А можно я. Вопрос об архаике, архаической принадлежности работ Вячеслава Иванова «Эллинская религия», или это работы, которые будут востребованы интеллектуальным пространством Европы, России и так далее? Поскольку они были востребованы, уже начиная с парижских лекций Вячеслава Иванова, их успех был больше вот этого текстологического, несколько позднего выхода работ, их успех был несравнимо больше, потому что он отразился как эхо в очень многих направлениях, исследованиях гуманитарной мысли. Мы говорим про антропологическое измерение. Да, безусловно, парижские лекции Иванова лежат еще у нас не набранные, те, которые вошли потом в публикации о религии «Диониса» в журнале Мережковского «Новые пути и вопросы жизни». Да, книгу он готовил с 1917-го года, она не вышла, тираж.

Исторические события. Много потрясающих совершенно заметок о дионисийстве. Это огромные совершенно папки рукописей, неразобранных до сих пор. Уже в 1930-е года Ольга Шор писала и вышла книга Отто «Святыня», она писала «имевшая огромный успех в Германии». Ольга Шор писала о том, что это же все идеи Вячеслава Иванова. Когда

вышла книги ... (неразборчиво, Н.Р.) «Дионис», все знающие книги «Дионис и прадионисийство», я перечитала дважды, ... (неразборчиво, Н.Р.) и поняла, что здесь заложены очень глубоко очень многие люди «Диониса и прадионисийства». Но ... (неразборчиво, Н.Р.) узнал об идеях Иванова через Юнга. Учеником Юнга и пациентом 15 лет, три раза в неделю встречавшийся был **Метнер**, директор символистского книгоиздательства «Мусагет», который из «Дионис и прадионисийство» взял эпитафию к «Психологическим типам», издавая их в Цюрихе. Он всё пересказал Юнгу.

Ивановское коллективное бессознательное, то, что мы называем «юнговское коллективное бессознательно», начинается уже в «Дионис и прадионисийство», текст, он весь ушел к Юнгу, поскольку Юнг написал все свои работы по символалогии уже сознания уже после знакомства с **Метнером**, сначала был практикующий врач. И когда мы изучаем даже контексты, т.е. архетипический делаем срез юнгианского психоанализа, мы убеждаемся в том, что до Юнга это всё уже было заложено в книгах Вячеслава Иванова. Трагедия Иванова, что все эти замечательные работы, «Эллинская религия и Дионис», приходят поздно. Потому что на них не мог сослаться даже ... (неразборчиво, Н.Р.), делая статью в Большую Советскую Энциклопедию под названием «Дионис», он сослался на кого угодно. Если мы берем Брокгауза и т.д., мы видим огромное количество авторов. Иванов потерялся тогда, но идеи его воплотились.

Если говорить о современном литературоведении, то идеи его они настолько широко разошлись из этих книг, что просто трудно... Ну, во-первых, это работы Мурашова «Дионисийство Иванова» и «Структуралистская теория мифа». Это работа по семиотике. «О мифологическом коде сюжетных ... (неразборчиво, Н.Р.). А вот мифологический код дионисийства Иванов показывает, раскручивает как маховик в своих работах. Причем, берет потрясающие источники. Особенно рукописи его очень интересны в плане того, что у него вся археология и антропология представлены очень глубоко. Например, образ двойного топора, Лабрис. Он берет такие уникальные совершенно феномены древнегреческой культуры, которые не снились всем тем, кто писал, и ... (неразборчиво, Н.Р.), и, допустим, Отто. Отто берет уже в культурологическом таком ... (неразборчиво, Н.Р.), в аспекте классической филологии, потому что он и филолог-классик. Но дело в том, что для человека, которому... Вообще, человек любого направления – культурология, искусствознание, философия, семиотика – он может в этих заметках черновых Иванова много найти. Например, я была совершенно потрясена тем, что в заметках о «Дионисийстве» я нашла упоминание пергамского алтаря ... (неразборчиво, Н.Р.) в Берлине. ... (неразборчиво, Н.Р.) знаменитый, мы знаем, во времена Иванова, когда он был студентом берлинского университет весь пергамский алтарь привезли на Музейный остров, установили. Целлер читал лекции там, понимаете. У всех этот пергамский алтарь – шестое чудо света. Естественно, что в открытом тексте у Иванова об этом нет. Но в черновиках «Дионис и прадионисийство» и уже в «Эллинской религии» он на него ссылается. И понятие «дионисийская телесность», «визуальное тело, дионисийское» формируется у Иванова как раз в начале «Дионис и прадионисийство» пишет о том, что понятие «дионисийство» восходит к прадионисийским культам и к... Этнографию он по моему изучал и встретил как раз там понятие ... (неразборчиво, Н.Р.) Зевс-Дионис, т.е. древний Зевс является пра-Дионисом, нашел это. И это он нашел в пергамском алтаре, потому что пергамский алтарь сопровождался всевозможными вот этими находками в области эпитафики. Т.е. одна находка натолкнула его на идеи пра-дионисийства! Т.е. прадионисийство основывается на культе Зевса хтонического или пра-Диониса. И на это он указывает. А потом у него есть ссылки на те источники о пергамском алтаре, которые очень хорошо известны были в Германии конца века на немецком языке. Это огромные книги по эпитафике, я их просматривала в отделе Россики, они все есть. Все **пометы** (? - (неразборчиво, Н.Р.) пергамского алтаря воспроизведены и пергамский алтарь Зевса оказывается визуальным источником некоторых идей книги, в которой он гениально

воплотил всю эту мехатектонику гигантомахии пергамского алтаря. Понимаете, идея растерзанного бога, бога-героя у древнего, ведь культ богов от культа героев, и они взаимосвязаны, восходит. Во всяком случае, вот и черновые рукописи Иванова они дают очень много для понимания значимости этих книг. И сами книги, пришедшие к нам, очень поздно и откомментированные частично, благодаря Вам, Николай Всеволодович, ... (неразборчиво, Н.Р.) в «Человеке» опубликовал «Эллинскую религию» с комментариями, Но они как бы ограничены формами журнала. Во всяком случае, мы очень ждем Ваших книг, очень надеемся, что восстановится историческая справедливость.

Дело в том, что свои курсы по эллинской религии в Высшей школе, о чем свидетельствует Иванова Зиновьева-Аннибал, опубликованная ... (неразборчиво, Н.Р.) переписка говорит о том, что задумал эти курсы как курс по философии религии. И ссылаясь на Гарнака, прежде всего, и Гече. Т.е. это эллинистическое христианство, идея у него была. Т.е. уже в самом замысле была идея Диониса-Христа. Ну, я могу говорить долго. Благодарю за внимание.

А.Б. Шишкин: Спасибо большое! Чуть-чуть продолжая Гасана, я бы сказал, что если сейчас, ну, скажем в Италии вести семинар, первый – о Пушкине, второй – о Толстом, третий – о Достоевском, меньше всего студентов будет на первом и больше всего на Достоевском. Ну это ведь нам не указ. Ну что же, еще, пожалуйста, вопросы, выступления. Если нет, я предложил бы сделать перерыв, и затем мы будем слушать второй доклад Ивана Чечота. Иван, скажи название своего доклада.

И. Чечот: Он называется в программе «От символизма к авангарду: идеи Диониса у Василия Чекрыгина».

Перерыв